

УДК 94(470.55/.58).084.3

Р. Р. Магомедов

Военный коммунизм на Южном Урале. Политические и экономические последствия продразвёрстки

В статье показана суть продовольственной политики государства в годы Гражданской войны в Советской России. На основе многочисленных архивных материалов автор подчёркивает, что эта политика носила антикрестьянский характер, поскольку выразилась в насильственной реквизиции продовольствия, репрессиях. Делается вывод о том, что продовольственная развёрстка фактически подорвала продовольственную безопасность Южного Урала, стала одной из причин страшного голода в крае в начале 1920-х годов.

Ключевые слова: военный коммунизм, продовольственная политика, продовольственная развёрстка, хлебная монополия, продовольственные отряды, Наркомпрод.

В советской исторической науке традиционно, ссылаясь на труды В. И. Ленина, утверждалось, что продовольственная развёрстка, суть военного коммунизма, была вынужденной мерой, оправданной чрезвычайными условиями, в которых оказалась молодая Советская Россия в годы Гражданской войны, и исчерпала себя после военного разгрома внутренних и внешних врагов большевиков и советской власти. Кроме того, причины голода в начале 1920-х годов находили в страшной засухе и неурожае в производящих районах.

Многочисленные материалы местных архивов Оренбургской и Челябинской областей и Республики Башкортостан показывают, что жёсткая продовольственная политика государства подорвала продовольственную безопасность края.

Согласно плану Наркомпрода в новой хлебной кампании 1920/21 года предусматривалось собрать 432 млн. 41 тыс. пудов хлеба, что почти на 13 млн. пудов превышало плановое задание 1919 года [1, с. 76]. ЦК РКП(б) в своём письме губкомам партии особо подчёркивал: «Продовольственный кризис в крупных рабочих городах и невозможность смягчения его путём увеличения заработной платы диктует необходимость перехода к полному снабжению из государственных запасов» [11, с. 3]. Однако на деле эта цифра оказалась слишком завышенной и нереальной для выполнения. Многие производящие районы, в том числе и Южный Урал, были охвачены неурожаем. Центральная власть владела информацией и прогнозом будущего урожая. ЦК РКП(б) так оценивал сложившуюся ситуацию: «Засуха сильно отразилась на неурожае текущего года. Общий сбор хлебов предполагается ниже предыдущих годов» [11, с. 3]. В Челябинской губернии урожайность зерновых культур была почти в 4 раза ниже, чем в 1905—1915 гг. [12, с. 111]. В Оренбургской губернии в 1920 году с одной десятины было собрано 10 пудов яровой пшеницы, в то время как в 1909—1913 гг. — 37 пудов [7, л. 73; 13, с. 65].

Председатель Совнаркома В. И. Ленин понимал, что в сложившихся условиях хлеб придётся забрать у производителя исключительно репрессивными карательными мерами. «При нынешнем неурожае, “животном” страхе крестьян отдать хлеб... его буквально придётся вырывать с кровью», — сообщал В. И. Ленин члену коллегии Наркомпрода В. В. Осинскому [14, с. 11]. Оренбургский продовольственный комиссар И. Д. Мартынов в июле 1920 года говорил, что крестьяне отказываются обмолачивать хлеб, опасаясь за будущий неурожай. Однако он подчеркнул, что «мы им сочувствуем, но приходится быть беспощадными ради революции» [19, л. 11]. ЦК РКП(б) подчёркивал в своём

© Магомедов Р. Р., 2013

письме, адресованном губкомам партии, что выполнение продразвёрстки, назначенной на губернию, для губпродкомов является приказом, который должен быть ими выполнен безоговорочно: «Никакие отступления и задержки во взимании развёрстки ни под каким предлогом не могут быть допущены». В нём особо подчёркивалось, что «развёрстка, данная на волость, уже является сама по себе определением излишков» [11, с. 3, 13]. Краснохолмский районный продовольственный комитет Оренбургского уезда издал приказ, сурово карающий лиц, отказывающихся выполнять продразвёрстку: «Весь хлеб и имущество конфискуется, и владелец отправляется в концентрационные лагеря на принудительные работы...» [4, л. 59].

В регионе были проведены партийные мобилизации для выполнения указаний Центра. В Уфимской губернии число продовольственников увеличилось на 301 человека за счёт местных партийных и комсомольских сил [25, л. 26]. Оренбургский губком партии направил на продовольственную работу около 250 человек [6, л. 63]. Кроме того, Оренбургская комсомольская организация выделила для осуществления продразвёрстки 75 человек [27, с. 66]. В те дни газета «Красная молодёжь» писала: «По распоряжению уездкома наши организации в уезде (Орский уезд. — *Р. М.*) ведут самую беспощадную борьбу с кулаками и мародёрами и содействуют продовольственным органам в скорейшем учёте хлебных излишков» [20].

На конец 1920 года на территории Оренбургской губернии действовали продовольственные отряды в составе 645 человек. Кроме того, 176 человек из промышленных городов находились в губернии в качестве ответственных работников продовольственных органов [18, л. 5]. В декабре 1920 года в продотрядах в Уфимской губернии насчитывалось 2400 штыков и 215 сабель [24, л. 5]. Следует отметить, что продовольственные работники, прибывшие из Центра, в отличие от местных коммунистов, были более последовательны в выполнении продовольственной развёрстки. «Мы не рассуждали, а исполняли, считаясь не с местным положением, а с положением Республики», — так оценивал работу представителей Наркомпрода в Бирском уезде инструктор райпродкома в 1921 году [9, л. 35].

О том, что продовольственные отряды были основной силой выполнения хлебной кампании говорят следующие сведения, извлечённые из местных архивов. Бойцами продовольственных отрядов было заготовлено 61,2% хлеба и зернофуража, 58,9% мяса, 15,1% картофеля, 65,6% масла, 71% яиц, 60,6% мёда, 61,7% домашней птицы, 24,4% сена, 11,3% шерсти [12, с. 118]. В Челябинской губернии из 9 млн. 700 тыс. пудов собранного хлеба по продразвёрстке на долю продовольственных отрядов приходилось около 5 млн. [10, с. 183]. В материалах II Уфимского губернского продовольственного совещания работников Военно-продовольственного бюро, работа которого проходила в мае 1921 года, указывалось, что «в тех реальных мероприятиях и больших цифрах выполнения развёрсток главную роль играли силы работников ВПБ (Военно-продовольственное бюро. — *Р. М.*) и его отряды» [9, л. 5].

В целях выполнения указаний Центра на местах у крестьян-производителей конфисковывали даже семенной фонд. В Курганском уезде Челябинской губернии 60% семенного фонда было отобрано у местного населения [8, л. 9]. Аналогично поступали продовольственные органы Уфимской и Оренбургской губерний. «Развёрстку выполнять можно, но последствия окажутся печальными, так как работа проходит в боевом порядке, стремительно, охватывая в целях выполнения развёрстки зерно из семенного фонда», — сообщалось на Оренбургско-Тургайском губернском продовольственном совещании в ноябре 1920 года [26, л. 17].

Хлеб конфисковывали не только у состоятельных крестьян, но и у семей красноармейцев и у бедноты. Следовательно, не соблюдался классовый принцип продовольственной

развёрстки, провозглашённый большевиками, — с богатого много, с середняка — немного, а с бедняка — ничего. По приказу Краснохолмского районного продовольственного комиссариата Оренбургской губернии от 30 октября 1920 года для семей красноармейцев и бедноты оставляли по одному пуду хлеба на одного едока до августа 1921 года [4, л. 58]. Хотя еще в 1918 году Наркомпродом была установлена следующая норма потребления: 12 пудов зерна и 1 пуд крупы на члена крестьянской семьи в год, 18 пудов на лошадь, 9 пудов на голову крупного рогатого скота, 3 пуда на молодой рогатый скот [1, с. 45]. В Белебеевском уезде Уфимской губернии норма ежедневной ссыпки хлеба была определена Бакалинскому району — до 20 тыс. пудов, Буздяковскому — до 20, Белебеевскому — до 10, Давлетовскому — до 15 тыс. пудов [16, л. 6]. В уезде начался голод [9, л. 6, 11]. Оренбургско-Тургайским губкомом было принято решение в случае отказа села или волости выполнить продовольственную развёрстку изымать «подчистую» хлеб у всех жителей. Одновременно продолжалось распространение монополии государства на продукты сельскохозяйственного труда. В 1919—1920 гг. количество видов монополизированных продуктов перевалило за 40 [17, л. 152].

Крестьяне взамен конфискованного хлеба почти ничего не получали. В 1920 году даже 50% стоимости хлеба, отнятого государством, не было компенсировано промышленными товарами [3, с. 59]. Советское государство, даже при желании в соответствии с партийной установкой об организации продуктообмена между городом и деревней, было не в состоянии компенсировать изъятый у крестьян хлеб промышленными изделиями. В 1920 году по сравнению с 1913 годом промышленность выпускала борон — 2,6%, жаток и косилок — 2,3%, молотилок — 1,2%, сеялок и сортировок — 3,3% [6, л. 73; 12, с. 122].

Жёсткая продовольственная политика государства стимулировала усиление социального роптания местного населения, приводила к открытым выступлениям против большевиков и советской власти. Особо тревожной являлась обстановка на Южном Урале осенью и зимой 1920 года. Почти все казацкие районы Оренбургской губернии были охвачены восстаниями: «...Случаи открытого сопротивления выполнению развёрстки в пределах губернии не единичны» [19, л. 85]. Антисоветские выступления на продовольственной почве имели место в Краснохолмском, Исаево-Дедовском, Мартукском, Шарлыкском, Махаровском и других районах губернии. Крестьянские волнения отмечены в Бирском и Белебеевском уездах Уфимской губернии и в Курганском уезде Челябинской губернии [12, с. 132—133]. В феврале 1921 года, накануне перехода к нэпу, председатель Уфимского губчека, исходя из их отношения к советской власти, делил население Белебеевского уезда на три категории. К первой группе чекист относил кулаков, которые ненавидят советскую власть. Вторая категория населения, по его мнению, — это середняки и бедняки, которые были недовольны советской властью из-за резкого ухудшения жизни в связи «с усиленной и беспощадной продработой» в 1920 году. В третью группу он включил крестьян, которые голодали из-за неурожая и продовольственной развёрстки. Их было большинство. Таких крестьян председатель губчека характеризует как «голодную массу, проникнутую обострённой враждой к советской власти и коммунистической партии» [25, л. 11].

Сопротивление крестьян продразвёрстке на местах было сломлено. «Массовые конфискации имущества, аресты, предание суду Революционного трибунала сломали всякое сопротивление», — отмечалось в отчёте Уфимского губпродкома [21, с. 66]. В 1920 году в губернии арестовали 3644 сельских жителя против 1575 человек в 1919 году [23, с. 189]. Власть на местах широко прибегала к практике заложничества и заключения в концентрационные лагеря тех, кто сопротивлялся продовольственной политике. Об этом

свидетельствуют материалы заседания Краснохолмского районного продовольственного совещания. Оно постановило взять в качестве заложников жителей станицы до окончания продразвёрстки [5, л. 4].

Продовольственная политика государства в годы Гражданской войны оказала существенное влияние на дальнейшее развитие аграрного сектора страны. При этом оно было не позитивным, а, наоборот, негативным. Продовольственная развёрстка со стороны крестьянина вызвала пассивное, но в то же время имеющее далеко идущие негативные последствия для всей страны сопротивление. Оно выразилось в резком снижении размера запашки, сокращении скота, в посеве тех сельскохозяйственных культур, на которые не распространялась хлебная монополия государства. Это означало, что государство своей политикой поощряло резкое сокращение производства товарного хлеба. Крестьянин-производитель, лишённый всякого стимула для развития своего хозяйства, ограничивался размером посева, который покрывал нужды собственной семьи и хозяйства. «Крестьянское земледелие постепенно превращается в самоедское хозяйство. Крестьяне-производители исчезают, вместо них появляются просто едоки. Едок производит ровно столько, сколько нужно ему самому», — писала газета «Беднота» [2]. Это явление не носило узколокальный, даже региональный характер. Оно приобрело широкомасштабный всероссийский характер. Об этом свидетельствовали непосредственные проводники продовольственной политики большевиков. Член коллегии Народного комиссариата по продовольствию А. Сви́дерский в 1921 году отмечал: «Причины отмеченного кризиса сельского хозяйства лежат во всём проклятом прошлом России, на империалистической и революционной войнах. Но, несомненно вместе с тем, что монополия с развёрсткой до крайности затруднила борьбу с сельскохозяйственным кризисом и даже мешала ей, усиливая, в свою очередь, расстройство сельского хозяйства, являющегося крестьянским» [22, с. 31].

Документы свидетельствуют о том, что к концу Гражданской войны значительные изменения произошли и в аграрном секторе Южного Урала. Это хорошо видно на сравнительном анализе состояния посевных площадей в Оренбургской губернии в 1916 и в 1921 году. В 1916 году размер посевных площадей составлял 803 тыс. десятин земли, а в 1921 году — 432 тыс. десятин, т.е. всего 59,7% от 1916 года. На одно крестьянское хозяйство в 1916 году приходилось 8,3 десятины посевной площади, в 1921 году всего лишь 3,4 десятины. Это всего лишь 41% посевной площади 1916 года. Аналогичная картина наблюдалась в Уфимской и Челябинской губерниях. В Уфимской губернии в 1921 году размер посевной площади по сравнению с 1911 годом сократился почти в два раза, с 1 млн. 751 тыс. десятин до 999 тыс. десятин. Если в 1911 году одно крестьянское хозяйство сеяло в среднем 5,9 десятины земли, то в 1921 году — 2,8 десятины [15, с. 16—17; 12, с. 131]. В Челябинской губернии из всей пахотной земли, составлявшей 3 млн. 138 тыс. десятин, весной 1920 года засеяно было лишь 1 млн. 523 тыс. десятин [28, с. 357].

Не лучше была ситуация, в которой пребывало животноводство края. В Оренбургской губернии в 1917 году на одно крестьянское хозяйство приходилось 2,6 рабочей лошади, в 1921 году — 1,06 лошади. Значительно сократилось количество голов крупного рогатого скота: 1,8 коровы на одно хозяйство в 1917 году, 1,02 коровы в 1921 году. В 1917 году всего в губернии насчитывалось 199 900 рабочих лошадей и 156 658 коров. В 1921 году их численность сократилась до 156 816 и 118 373 соответственно [12, с. 132].

Уфимский губернский продовольственный комиссар причины сокращения посевных площадей и поголовья скота видел в политике государства, которая не учитывала интересы крестьянина-собственника. «И монополия, и развёрстка имели за собой неизбежный прогрессивный рост недосева, пассивное отношение крестьянства к хозяйству и политическое недовольство населения» [9, л. 25].

Таким образом, в конце 1920 — начале 1921 года Южный Урал находился в состоянии глубокого политического и экономического кризиса. Свидетельством тому социальное роптание сельского населения, массовые антисоветские выступления в крае, вызванные продовольственной развёрсткой, выполнение которой сопровождалось террором и карательными мерами со стороны партийных, советских и продовольственных органов. Более того, продовольственная политика государства в годы Гражданской войны, не учитывающая экономические интересы крестьянского хозяйства, перспективы для его дальнейшего развития, стимулировала углубление сельскохозяйственного кризиса в стране, в том числе и на Южном Урале. Сокращение посевных площадей, превращение производителя товарного хлеба в самоеда, насильственные реквизиции продовольственных запасов, даже семенного фонда имели катастрофические последствия для населения Южного Урала в начале 20-х годов XX века, когда край был охвачен страшным голодом.

Список использованных источников

1. Андреев В. М. Под знаменем пролетариата трудовое крестьянство в годы гражданской войны. М. : Мысль, 1981. 247 с.
2. Беднота. 1920. 3 дек.
3. Гимпельсон Е. Г. Военный коммунизм: политика, практика, идеология. М. : Мысль, 1973. 246 с.
4. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 166. Оп. 1. Д. 132.
5. ГАОО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 165.
6. ГАОО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 57.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5556. Оп. 1. Д. 57.
8. ГАРФ. Ф. 5556. Оп. 1. Д. 68.
9. ГАРФ. Ф. 5556. Оп. 1. Д. 77.
10. Добротвор Н. Московские рабочие в продотрядах // Борьба классов. 1934. № 7, 8. С. 183—188.
11. Известия ЦК РКП(б). 1920. 4 сент.
12. Магомедов Р. Р. Поход за хлебом. История продовольственной политики государства на Южном Урале в первые годы советской власти. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2006. 152 с.
13. Машин М. Д. Оренбургское и уральское крестьянство в годы гражданской войны. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1984. 158 с.
14. Павлюченков С. Почему вспыхнула «Антоновщина»? // Неделя. 1989. № 44.
15. Продовольственно-семенной и фуражный бюджет Уфимской губернии (по предварительным данным об урожае хлебов и трав). Уфа, 1921. 24 с.
16. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1943. Оп. 3. Д. 477.
17. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Ф. 17. Оп. 1. Д. 128.
18. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 234.
19. РЦХИДНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 254.
20. Красная молодёжь. 1920. 21 нояб.
21. Сираев З. И. Продовольственная помощь трудящихся Башкирии фронту и пролетарским центрам Советской России в 1918—1920 гг. // Из истории Башкирской АССР : сб. статей. Уфа : Баш. гос. ун-т им. 40-летия Октября, 1959. С. 48—67.
22. Третье Всероссийское продовольственное совещание: Речи, доклады, тезисы, резолюции. Томск : Гос. изд-во, 1921. 148 с.
23. Уфимский октябрьский сборник. Уфа, 1920. № 2. С. 188—196.
24. Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИАРБ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 113.
25. ЦГИАРБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 216.
26. Центр документации новейшей истории Оренбургской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 128.
27. Футорянский Л. И. Дела вечно живые. Комсомол и молодёжь Оренбуржья в годы гражданской войны. Челябинск, 1968. 102 с.
28. Челябинская губерния в период военного коммунизма (июль 1919 — декабрь 1920 г.) : документы и материалы. Челябинск : Челяб. кн. изд-во, 1960. 707 с.

Поступила в редакцию 22.08.2013 г.

Магомедов Рамазан Раджабович, доктор исторических наук, профессор
Оренбургский государственный педагогический университет
460014, Российская Федерация, г. Оренбург, ул. Советская, 19
E-mail: rr-magomedov@yandex.ru

UDC 94(470.55/.58).084.3

R. R. Magomedov

War communism in the Southern Urals. Political and economic consequences of food requisitioning

The article reveals the essence of the food policy of the state in the years of the Civil War in Soviet Russia. Based on extensive archival materials, the author stresses that this policy wore anti-farming nature, which resulted in the forcible requisitioning of food and repression. The article concludes that food requisitioning actually undermined the food security of the Southern Urals, which was one of the reasons for the terrible famine in the early 20-ies of the XX century in the region.

Key words: military communism, food policy, food requisitioning, bread monopoly, food groups, People's Commissariat for Food.

Magomedov Ramazan Radzhabovich, Doctor of Historical Sciences, Professor
Orenburg State Pedagogical University
460014, Russian Federation, Orenburg, ul. Sovetskaya, 19
E-mail: rr-magomedov@yandex.ru